

О. Н. Гуринова

**ПОПЫТКА РОССИЙСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА
В БОЛГАРО-СЕРБСКОМ СПОРЕ ИЗ-ЗА МАКЕДОНИИ
В 1912–1915 гг.**

Балканский регион на протяжении XIX – начала XX в. занимал особое место в системе международных отношений и являлся для Российской империи центральным пунктом ее внешнеполитических устремлений.

По окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. противоречия на Балканах еще более обострились. Несмотря на признание независимости Сербии, Черногории и Румынии, создание автономного Болгарского княжества, Берлинский конгресс 1878 г. узаконил оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, разделил «Сан-Стефанскую Болгарию» на три части, разрушив мечту болгар о едином «целокупном» отечестве. «Трудно предугадать, как протекали бы процессы формирования национального самосознания славянского населения Македонии, если бы не было решений Берлинского конгресса»¹ – с этой мыслью К. Л. Струковой нельзя не согласиться. Отделение Македонии от Болгарского княжества, расхождение политических и экономических условий развития этих земель после 1878 г. «ослабило их прежние связи и предопределило новое развитие края... Специфическое развитие Македонии, усиление культурного и языкового своеобразия вело к вызреванию элементов македонской нации»². Теперь вопрос о существовании македонского этноса и принадлежности занимаемых им территорий становился первостепенным для балканских государств.

Таким образом, одновременно с появлением новых государств на Балканах назревал очередной кризис – в Македонии, которая после 1878 г. продолжала оставаться в составе Османской империи, что породило стремление политических элит Болгарии, Сербии и Греции к освобождению всех представителей «своей» национальности от османского господства с соответствующим расширением границ за счет европейских провинций Турции, в частности, ее македонских вилаетов.

Долгое время успешное распространение болгарской национальной идеи в Македонии осуществлялось благодаря общности культурно-языковых и исторических связей с проживающим там населением, широкой национально-культурной автономии болгар в рамках Османской империи, приобретенной в период с 1835 по 1870 г., и учреждением особой болгарской церковной области – Экзархии, границы которой послужили графу Н. П. Игнатьеву основой для определения границ Болгарии после ее освобождения от турецкого владычества. Все это являлось основным аргументом болгарских притязаний на македонские земли. Однако стремление Болгарии к присоединению македонских земель натолкнулось на отпор со стороны Сербии, главной целью которой со времен «Начертания» И. Гарашанина (1844) оставалось «освобождение всех территорий, населенных сербами и находившихся под властью иностранных государств – Турции и Австро-Венгрии (в первую очередь, речь шла о Старой Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине. – *О. Г.*), и объединение всего сербского народа в рамках единого государства»³.

Между государствами началась борьба, повергшая Македонию в анархию, с риском задержать там турецкое правление на более долгий срок. Болгария продолжала считать

Македонию неделимой частью своего национального организма, а Сербия рассматривала македонские земли в качестве компенсации утраченной Боснии и Герцеговины⁴. После победы над Сербией в 1885 г. и признания великими державами объединения Княжества Болгарии и Восточной Румелии Македония стала центром болгарских национально-территориальных устремлений, и едва ли не вся внешняя политика Софии сосредоточилась на македонском вопросе⁵. Сербия опасалась роста болгарского влияния в Македонии, которая, в случае обретения автономии, могла бы повторить судьбу Восточной Румелии. Дабы воспрепятствовать такому развитию событий, в 1888 г. сербский дипломат Стоян Новакович выступил с идеей «македонизма», суть которой состояла в том, что славянское население Македонии составляет отдельный народ и не является ни болгарами, ни сербами. Эти идеи были поддержаны в Сербии, однако в самой Македонии поначалу не нашли широкого круга сторонников: большинство македонских славян, прежде всего культурная и политическая элита, относили себя к болгарам. Лишь в 1903 г. Кр. Мисирков, находившийся в Санкт-Петербурге, обосновал существование особого македонского языка и самостоятельной македонской нации со своими собственными политическими интересами⁶.

К этому времени Горноджумайское (1902) и Ильинденское (1903) восстания в Македонии привлекли внимание России, подтолкнув ее к совместной с Австро-Венгрией разработке проекта реформ в европейской части Османской империи, предусмотренных Мюрцштегским соглашением 1903 г.⁷ Это соглашение поддерживалось в основном Сербией и Болгарией, заключившими между собой весной 1904 г. секретный договор: обе стороны брали на себя обязательство препятствовать любым действиям, направленным на раздел балканских владений султана. В начале XX ст. в дипломатических кругах Белграда и Софии получило распространение мнение Драгана Цанкова: если Македония все же получит автономию и захочет присоединиться к Сербии, то последняя не может согласиться на это, пока не совершится присоединение к Болгарии Адрианопольского и Константинопольского вилайетов (за исключением Константинополя и Проливов). В случае же, если Македония изъявит желание объединения с Болгарским княжеством, то оно не должно давать своего согласия, пока Сербское королевство не получит Старую Сербию и Боснию, а если Македония захочет остаться автономной, она должна будет вступить в союзные отношения как с Сербией, так и с Болгарией. Отказ от союза повлечет раздел Македонии⁸.

В 1904 г. болгарское правительство Р. Петрова, а позднее демократический кабинет А. Малинова (1910–1911) предпринимали попытки заключить компромиссный договор с Сербией, в основе которого базировался бы принцип автономии Македонии. Сербская сторона готова была согласиться при условии, что Скопский санджак будет признан в составе границ Старой Сербии, но на такую жертву Болгария не могла пойти.

Между тем после ряда неудачных попыток проведения реформ 1904–1908 гг. положение в македонских землях еще более ухудшилось, что заставило оба правительства предпринять новые усилия для пересмотра существующего положения. Инициатива создания формального Балканского союза принадлежала премьер-министру Сербии М. Миловановичу, который в апреле 1911 г. предложил болгарскому посланнику А. Тошеву заключить соглашение о разделе сфер влияния в Македонии, заложив таким образом основу для совместного военного выступления против Турции. Первоначально не принявшее сербское предложение болгарское правительство возобновило переговоры в связи с начавшейся итало-турецкой войной. Председатель Народного Собрания Иван Гешов и его сербский коллега определили территории, которые должны были бесспорно отойти к Болгарии и Сербии после раздела османских владений на Балканах. Судьба так называемой спорной зоны, по мнению М. Миловановича, решалась после будущей войны с Турцией посредством третейского разбирательства России. Выдвинутая

М. Миловановичем идея спорной зоны и русского арбитража не встретила одобрения в Софии, поскольку там полагали, что Петербург непременно примет сторону Белграда.

Однако мнение болгарского руководства вскоре изменилось в пользу предложения сербского премьер-министра, что привело к продолжительным дебатам о непосредственном размежевании спорной зоны. Как писал позднее в своих мемуарах И. Гешов: «И начались тогда длинные переговоры между мной и г-ном Спалайковичем о сужении этой зоны, переговоры, в которых не раз принимали участие и русский посланник в Софии г. Неклюдов, и русский военный атташе, г-н полковник Романовский. Это участие выражалось то в форме советов быть умеренными и уступчивыми, ... то в форме сообщений о том, что ... Россия оставляет за собой право поступить так, как ей диктуют ее интересы»⁹. В конце 1911 г. и в начале 1912 г. между сербской и болгарской стороной велась борьба, наиболее сложным моментом которой явилось определение принадлежности Ускюба (Скопье), Велеса и Струги. Сербии этот район был необходим для прикрытия с юга будущего выхода к Адриатике и линии Дунайско-Адриатической железной дороги. Для Болгарии через Ускюб и Велес шли единственные удобные пути в долину р. Вардар, к центру ее будущих македонских владений. «Последние (сербь. – О. Г.) после долгих настояний уступили нам в вопросе о границах спорной зоны, но не уступали в вопросах о Струге и о берегах Охридского озера между Стругой и Охридом. Мне пришлось долго спорить по этому вопросу, пока, наконец, нам не обещали эти области и пока не был составлен по этому вопросу протокол», – вспоминал впоследствии И. Гешов¹⁰.

К началу 1912 г., по завершении продолжительных переговоров о союзе, осложняемых излишними претензиями и несговорчивостью сербов и «недоверчивостью, боязнь лишиться полной свободы действий, нежеланием делать сербам уступки в Македонии» болгар¹¹, София и Белград достигли понимания, что привело к заключению 13 марта союзного договора, регулирующего взаимоотношения двух стран в случае изменения статус-кво на Балканах¹², уточненного подписанием 12 мая двусторонней военной конвенции «для полного и наиболее целесообразного исполнения настоящего договора»¹³.

Договор предусматривал совместное выступление против Турции и в случае успеха последующий раздел ее балканских владений. Сербии предоставлялось бесспорное право на так называемую Старую Сербию и Новипазарский Санджак, а Болгарии – на земли в Восточной и Эгейской Фракии, в том числе значительную часть Македонии к юго-востоку от линии Крива Паланка – Охрид, что составляло около 2/3 македонских земель, включая города Велес, Штип, Битоля, Прилеп и Охрид, и получило впоследствии название «бесспорной зоны». Оставшаяся 1/3 македонской территории между р. Места, Эгейским морем и Охридским озером с городами Скопье, Куманово, Дебр и Тетово составила так называемую «спорную зону», которой предполагалось предоставить автономию¹⁴. Однако оба заинтересованных государства не воспринимали подобное положение всерьез с самого момента подписания соглашения. Это следует из статьи 2 секретного приложения к договору от 13 марта, где говорилось: «... если обе стороны убедятся, что организация этой территории в виде отдельной автономной области невозможна, ввиду общих интересов болгарской и сербской народностей или по другим внешним или внутренним причинам»¹⁵, то «спорная зона», в конечном итоге, могла быть отдана одной или другой державе или разделена между ними. В случае же разногласий между Сербией и Болгарией арбитром по этому вопросу должен был выступить российский император Николай II.

Стремление Петербурга к активному посредничеству в болгаро-сербском конфликте и поиску компромисса в разделе македонских земель объяснялось пониманием российской дипломатией, что формирование Балканского союза, так необходимого для укрепления позиций Российской империи на юго-востоке Европы, зависело, прежде

всего, от успешного решения македонского вопроса. Как справедливо отмечал посланник в Софии А. В. Неклюдов 16 мая 1912 г. в телеграмме министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «...главным объединяющим звеном между болгарами и сербами является надежда поделить при первом удобном случае Македонию»¹⁶.

Ослабление Османской империи, что воочию продемонстрировала итало-турецкая война 1911–1912 гг., а также албанское восстание 1912 г., побудило Грецию и Черногорию примкнуть к болгаро-сербскому блоку. Окончательное формирование Балканского союза завершилось летом 1912 г. во многом благодаря активным усилиям российской дипломатии, не желавшей при этом возникновения преждевременного военного конфликта в регионе. Однако союз балканских государств отражал их собственные стремления, стал прелюдией совместного вооруженного выступления против Турции и началом длительного противостояния претендентов на «османское наследство», прежде всего за обладание македонскими землями, завуалированного лозунгом борьбы за автономию Македонии. Итоги Первой Балканской войны подвел Лондонский мирный договор 17 мая 1913 г., по которому признавалась независимость Албании, а потерпевшая поражение Турция была вынуждена отказаться от всех своих владений в Европе, кроме части Восточной Фракии (юго-восточнее линии Энос–Мидия). При этом Македония стала той точкой, где сошлись наступавшие с разных сторон союзные армии. Победа союзников в Первой Балканской войне разрушила последние остатки величия Османской империи и позволила Болгарии получить большую часть Македонии – весь северо-восточный район, выход к Эгейскому морю и Эдирне; Сербии – Западную и Центральную Македонию; Греции – Эпир, Фессалию, Южную Македонию и некоторые острова в Эгейском море.

В это же время в Лондоне была созвана конференция послов Германии, Австро-Венгрии, Италии, Англии, России и Франции, фактическая роль которой заключалась в том, чтобы направлять и контролировать ход мирных переговоров в интересах великих держав¹⁷. Российская дипломатия, обеспокоенная возможным изменением статуса черноморских проливов, готова была отдать балканским союзникам «для полюбовного раздела завоеванную ими Македонию и предоставить им использовать, в возможно широких размерах, плоды их побед»¹⁸. Однако оказалось, что установленное союзным договором 1912 г. разграничение в Македонии не отвечало ожиданиям ни одной из договаривающихся сторон. В этой обстановке произошло быстрое сербо-греческое сближение из-за нежелания обеих стран уступить хоть малейшую часть македонских земель Болгарии.

Сербия, не получившая выход к Адриатическому морю в связи с образованием независимой Албании, желала в качестве компенсации обрести дополнительные территориальные приращения в Македонии. Белград уже 26 мая 1913 г. специальным меморандумом потребовал от Софии пересмотра условий соглашения 1912 года в свою пользу. Сербская позиция нашла понимание в Афинах, что привело к подписанию 30 мая 1913 г. сербо-греческого союзного договора и военной конвенции, направленных против Болгарии. Договор предусматривал раздел Македонии между Сербией и Грецией, а также установление общей границы между двумя государствами. К ним присоединились неудовлетворенные результатом лондонских решений Черногория, Румыния и Турция¹⁹.

В европейских дипломатических кругах это однозначно расценили как антиболгарскую провокацию, а в России развал Балканского союза привел к изменению восприятия македонского вопроса: с момента обострения межсоюзнических противоречий он перестал существовать для российской дипломатии как относительно самостоятельная проблема и становился составной частью сербо-болгарских отношений²⁰. Сохраняя надежду на возможность предотвращения нового конфликта на Балканах, в Петербурге стремились употребить все усилия, чтобы не дать сербо-болгарской расправе «превратиться в разрыв, а тем более, в открытое столкновение»²¹. Однако стремительно на-

раставшее напряжение между бывшими союзниками предопределило начало Второй Балканской войны, в которой Болгария потерпела сокрушительное поражение.

Границы на Балканском полуострове еще раз были перекроены на конференции великих держав и стран-победительниц 10 августа 1913 г. в Бухаресте и пролегли без всякого учета этнического или религиозного состава жителей, в результате чего здесь по-прежнему сохранялось множество нерешенных территориальных споров. Бухарестский мир положил конец иллюзиям создания независимой Македонии, которая была в очередной раз разделена. По договору Сербия получила не только «спорную», но и большую часть «беспорной» болгарской зоны в Македонии – всю Вардарскую область, значительно приблизив свои южные границы к Эгейскому побережью. Греции досталась Эгейская Македония вместе с Салониками, а кроме того, Драма и Кавала в Западной Фракии. Юго-западные македонские территории в районе Преспанского озера остались в составе Албании. Часть Восточной Фракии с Адрианополем вернулась к Турции, а Румыния приобрела Южную Добруджу. В итоге Болгария потеряла не только вновь приобретенные, но и старые территории, сохранив лишь Пиринскую Македонию и часть Западной Фракии с ограниченным доступом к Эгейскому морю²².

Болгарская политическая элита не желала мириться с поражением, ей не давал покоя идеал Сан-Стефанской Болгарии. Авторитет Антанты в Софии был существенно подорван, а русофильская политика правительства вызывала крайнее недовольство, свидетельством чему явилась отставка кабинета С. Данева, ориентировавшегося на Россию, и приход к власти коалиционного правительства либералов во главе с В. Радославовым, стремившегося к установлению отношений с Центральными державами, не порывая при этом с Антантовским блоком. Вся Болгария была объята реваншистскими настроениями; руководство страны подогревало эти настроения, умело используя проблему беженцев с территории Южной Добруджи, Фракии и Македонии. Нерешенный болгарский национальный вопрос, ставший после Балканских войн еще и вопросом территориальным, возродил в умах общественности идею национального объединения. Но воплотить ее в жизнь без ревизии Бухарестского договора было невозможно.

Его пересмотра добивались также внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО) и легальные представители македонских беженцев в Болгарии, которые послали великим державам ряд воззваний и меморандумов с требованиями предоставления Македонии автономии. С этой же целью осенью 1913 г. правительство Радославова направило в ряд европейских столиц делегацию от лица всех македонских болгар²³. Однако все попытки Софии использовать македонский вопрос в своих внешнеполитических целях и добиться ревизии договора мирным путем в 1913–1914 гг. не увенчались успехом. Болгария оказалась на международной арене в изоляции, в окружении враждебных ей государств, и это не могло не повлиять на ее внешнюю политику, направленную в реваншистское русло²⁴.

Не получившая справедливого разрешения на мирной конференции великих держав проблема территориального разграничения в Македонии и определения статуса черноморских проливов заставили Россию снова занять наиболее активную позицию на Балканах. Англия и Франция были готовы к этому, поскольку традиционно считали северную и восточную часть Балканского полуострова негласной сферой влияния Российской империи. Союзники по Антанте в целом одобряли методы российской политики в отношении Болгарии и Сербии, стараясь избегать посредничества. По убеждению министра иностранных дел С. Д. Сазонова, задача российской дипломатии на Балканах заключалась в восстановлении балканского блока в противовес Австро-Венгрии и Германии. В него должны были войти Сербия, Черногория, возможно, и Болгария; кроме того, необходимо было добиться нейтралитета Греции, а также сделать все возможное, чтобы

привлечь Румынию к будущему союзу²⁵. Хотя после Балканских войн произошло существенное изменение расстановки сил в Юго-Восточной Европе, внешнеполитические планы Петербурга в отношении Болгарии и ее вхождения в состав антиавстрийского блока сохранялись. В то же время, в январе 1914 г. имперское правительство заключает соглашение о военно-политическом сотрудничестве с Сербией. Этот шаг явно нарушил баланс в отношениях Санкт-Петербурга с Софией и Белградом в пользу последнего, что сужало возможности российской дипломатии в достижении компромисса.

Разногласия между Сербией и Болгарией крылись прежде всего в том, что результаты Балканских войн не отвечали условиям, по которым заключался союзный договор между ними²⁶. Болгария приобретала Пиринскую Македонию, а именно три округа – Горна Джумая, Петрич, Струмица, а Сербия, несмотря на свои приобретения в Македонии, чувствовала себя ущемлено, поскольку под давлением Вены ей пришлось отказаться от выхода к Адриатическому морю. Это положение вызывало в Белграде решимость отстоять македонские земли – всю «спорную зону» и значительную часть «беспорной зоны»²⁷. При этом сербов нисколько не смущало возможное нарушение условий договора 1912 г., по которым указанные территории должны были отойти Болгарии.

Такая позиция сербского правительства находила поддержку в Петербурге, поскольку здесь не совсем доверяли болгарскому царю Фердинанду и считали недопустимым территориальное расширение Болгарии и ее приближение к черноморским проливам. Этим объясняется политика российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, направленная на защиту сербских интересов в македонском вопросе и его стремление создать Болгарии противовес в лице Сербии, которая должна была стать главным агентом России на Балканах.

Однако российская дипломатия не желала «терять» Болгарию, так же, как и открытого ее противостояния с Сербией, подталкивая последнюю к сближению и необходимости предложить Софии некоторые компенсации в Македонии. С. Д. Сазонов старался убедить в этом сербского премьер-министра Н. Пашича во время его визита в Петербург в январе 1914 г. Одновременно состоялась встреча болгарского посланника в России генерала-лейтенанта Радко Димитриева с Н. Пашичем, подробное изложение которой он направил главе болгарского правительства в известной телеграмме № 43 от 5 февраля 1914 г.²⁸ Речь шла, главным образом, о положении в Македонии, о настоящих и будущих взаимоотношениях Болгарии и Сербии. Н. Пашич выразил надежду на скорейшее завершение острого периода неприязни между двумя государствами, а также сказал Р. Димитриеву, что дал совет руководителю сербской миссии в Петербурге М. Спалайковичу поддерживать с ним самые добрые отношения. Болгарский дипломат понимал, что подобная миролюбивая инициатива Н. Пашича исходит под влиянием его недавних встреч с царем и главой российского МИДа, в ходе которых было заключено военно-политическое соглашение с Россией.

Р. Димитриев высказал мнение о новых сербских приобретениях в Македонии: «Мы, болгары, не можем вас поздравить с получением большого выигрыша. Эта македонская полоса, которая вам досталась..., будет раной на вашем государственном организме, наподобие раны, которая довела Турцию до сегодняшнего положения. Македонское население, которое является болгарским, может временно затаить свои чувства и терпеть, но оно никогда не станет сербским. Вы будете вынуждены держать здесь свои усиленные гарнизоны, тратить десятки миллионов сербских денег и в качестве премии – владеть бедным, чуждым вам углом»²⁹. Действительно, новая провинция не способствовала усилению Сербии ни в экономическом, ни в социально-политическом отношении. В результате полного хозяйственного застоя этот край едва ли покрывал собственные расходы, а чтобы держать население в покорности и предотвращать сепаратистские акции македонских болгар, сербское военное командование мобилизиро-

вало дополнительные дивизии. Был введен специальный режим, регулируемый «Распорядком по обеспечению общественной безопасности на завоеванных территориях». Согласно этому документу, за учреждение антиправительственных организаций македонцы осуждались на 20 лет тюремного заключения: кроме того, все они должны были объявлять себя сербами³⁰. «А вы не чувствуете, в каком опасном положении сейчас находитесь относительно Австрии? – продолжал Р. Димитриев. – Если австрийцы завтра найдут некий повод напасть на вас и взять не только вновь присоединенное, но и Старую Сербию, кто вам поможет? Греция, которая продаст вас за тарелку чечевицы, или Румыния? Не думаете ли вы, что это новое положение вас ослабляет?»³¹ По словам Н. Пашича, в Сербии все благоразумные люди это понимали, но были и шовинисты, которых опасалось и с которыми боролось сербское правительство.

Еще в начале лета 1913 г. в Сербии произошла радикализация руководства и всех слоев общества³². Ширились шовинистические идеи; в конце июня сербский король Петр I Карагеоргиевич стал открыто призывать к максимальному расширению границ государства. При поддержке сербской контрразведки в 1911 г. сформировалась крайне радикальная группировка «Черная рука» (другое название «Единство или смерть») – террористически-националистическая организация. Эта организация действовала в Вардарской Македонии в качестве «неофициальной», «неответственной» власти, наряду с официальной сербской администрацией, осуществляя насильственную сербизацию македонских земель³³. «Черная рука» контролировала большую часть государственного аппарата Сербии, ее опасался сам Карагеоргиевич. Внутриполитическая ситуация обострялась еще и тем, что часть сербского правительства во главе с Николой Пашичем не была согласна с политикой «Черной руки». В газетах стали появляться статьи о «правительственной измене родине кабинета Пашича»³⁴.

В ответ на упрек Р. Димитриева в закулисной игре Сербии с Грецией и Румынией против Софии, сербский премьер заявил о «подневольности» своего положения, и в очередной раз подчеркнул, что он не желает напряженных отношений с Болгарией. «Я и мои соратники глубоко сожалеем, что мы вынуждены искать подкрепления у греков и румын против болгар. Мы и сами тяготимся настоящим положением, но скажите мне, что нам делать? Я думаю, что время – наилучший лекарь..., а сейчас поставим цель не обострять дальше наши отношения»³⁵.

Болгарская дипломатия, в свою очередь, уверяла сербов, что стремится употребить все средства для смягчения двусторонних отношений и подготовить почву для соглашения. Но все это – ценой уступок Сербией областей с городами Кочаны, Щип и Радовиш для начала³⁶; предоставления македонскому населению церковной и образовательной свободы, позволения болгарам свободно выражать свою национальность, возвращения македонской интеллигенции и духовенства на их прежние места. «Вот золотой мост для того, чтобы позднее прийти к союзу с более широкими перспективами и для вас, и для нас», – заключил Р. Димитриев. Глава сербского правительства, сохраняя верность своей дипломатической привычке давать уклончивые ответы, намекнул на возможность территориальных уступок Болгарии в неопределенном будущем. «Мы не дорожим Македонией и с удовольствием уступили бы вам то, что вы говорите, но это может стать последствием договора, на который мы будем ориентировать свою политику с вами. Если мы его совершим предварительно, то рискуем вселить подозрение у наших сегодняшних союзников и друзей греков и румын и оттолкнем их от себя прежде, чем сможем обрести вас. Этого не сделаю ни я, ни какой-либо другой наш кабинет, поскольку это означало бы верное падение и проблематичное возрождение. Об этом мы говорили с г-ном Сазоновым, но я и ему сказал то же: если болгары подадут руку, мы им протянем свою с удовольствием»³⁷.

Разумеется, болгары считали, что им не подобает искать милости у сербов, ибо в таком случае национальное чувство собственного достоинства было бы оскорблено. Наоборот, они были уверены, что именно сербы должны проявить инициативу и пойти на территориальные уступки в Македонии. В этом же Н. Пашича старался убедить и глава российского МИДа, затронув вопрос о национальном облике славянского населения в Македонии. Но Н. Пашич прекрасно понимал, что российское правительство озабочено не проблемой положения болгар в Македонии, а собственными интересами на Балканах, однако пообещал С. Д. Сазонову предпринять все возможное в этом направлении.

Политическое руководство Сербии придерживалось точки зрения, что македонцы не такие уж «чистые болгары», какими их считали в Софии. По словам Н. Пашича: «Они и не сербы. Это славянское племя с наречием средним между болгарским и сербским. Это, одним словом, сырой этнографический материал, который может стать и болгарским, и сербским, в зависимости от того, кто им будет владеть. Если вопреки здравому смыслу мы будем поставлены перед необходимостью удерживать этот край при себе подольше, то, естественно, его население мало-помалу станет сербским»³⁸. Приведенная цитата – яркий образчик государственного мифотворчества. Официальные лица и Сербии, и Болгарии упорно настаивали на том, что македонские славяне – на самом деле местная «разновидность» сербов или болгар.

Сербский премьер старался убедить Р. Димитриева, что сербам нет особой необходимости проводить политику ассимиляции в македонских землях. «Если мы с вами снова подготовим почву для взаимопонимания, то мы и сами не заинтересованы усердствовать в сербизации, но прежде всего нам необходимо примириться и найти общий язык. Это выход»³⁹. В заключении беседы Н. Пашич в качестве доказательства сербского расположения к Болгарии привел пример поведения делегации Сербии в Бухаресте⁴⁰: «Знаете ли вы, что и греки, и румыны могут дойти до крайности, знаете ли, что турки предлагали в Бухаресте поделить Болгарию? Но я сказал нет, Болгария достаточно наказана и ее существование необходимо для соблюдения равновесия на Балканах. А теперь вы ведете разговор о дружбе с Турцией»⁴¹. Такой дружественный тон Н. Пашича был продиктован советами и пожеланиями российской стороны прийти к скорейшему взаимопониманию с болгарами, чтобы они не бросились окончательно в объятия Австро-Венгрии и Германии.

В пользу последнего заключения свидетельствует телеграмма болгарского консульского представителя в Константинополе Ивана Манолова от 21 марта 1914 г., адресованная болгарскому премьер-министру. «Вчера видел советника при Российском посольстве Гулькевича⁴². Как при всякой встрече, так и сейчас, мы начали разговор об отношениях с Сербией. Г-н Гулькевич, равно как и его шеф, поддерживает мнение, что Сербия должна сделать первый шаг на пути сближения и что для реализации последнего необходимы известные территориальные уступки с сербской стороны»⁴³. Хотя о передаче «известных территорий» Болгарии не могло быть и речи: в Белграде не могли совершить подобный жест, не заручившись прежде гарантией других территориальных компенсаций. С этим был согласен и К. Н. Гулькевич. Он не верил также, что сербское правительство предпримет какие-либо послабления в культурном отношении, допустив болгарских священников и учителей в Вардарскую Македонию. «Мимоходом Гулькевич сделал намек на Кавалу и Драму как возможную компенсацию для Болгарии. Скрытая его мысль была, что сближение между Сербией и Болгарией может осуществиться не столько за счет Сербии, сколько Греции», – подытожил И. Манолов⁴⁴.

Однако Греция категорически заявила великим державам, что она против каких бы то ни было уступок Сербии в пользу Болгарии, формально ссылаясь на нежелание нарушения установленного в Бухаресте равновесия. В сущности, в Афинах имели основания опасаться, что восстановив свой союз, два славянских государства могут до-

говориться за счет греческой территории⁴⁵. Более спокойно относились к возможному болгаро-сербскому сближению в Бухаресте. Здесь дали понять, что не станут противостоять такому союзу, разумеется, если он не будет направлен против Румынии.

Не подлежит сомнению, что Бухарестский договор таил в себе все элементы для возникновения новых конфликтов, а руководители балканских государств усугубляли существующее положение. С самого начала раздела и оккупации Македонии, вопреки ожиданиям местного населения, вместо полного национального и политического освобождения, декларированного целью первой Балканской войны, сербские и греческие оккупационные власти установили здесь свой насильственный режим, сопровождаемый политикой ассимиляции и денационализации местного населения⁴⁶. Правительство Болгарии стремилось использовать угнетенное положение македонских болгар в оккупированных территориях как повод для пересмотра существующего положения. Нерешенная во время Балканских войн македонская проблема, как многим тогда представлялось, могла получить удовлетворительное разрешение только военным путем.

«Сан-Стефанский идеал» Болгарии содержал территориальные претензии ко всем соседним государствам, однако после Балканских войн болгарское руководство вынуждено было на время отодвинуть свои гегемонистские устремления и сфокусировать внешнюю политику в первую очередь на македонском вопросе. В этой связи образ врага в лице Сербии усиленно насаждался болгарской официальной пропагандой⁴⁷, что нашло особенное проявление в первые дни сараевского кризиса. Чрезвычайный посол Софии в румынской столице Симеон Радев в отправленной 29 июня 1914 г. из Бухареста зашифрованной телеграмме в МИД Болгарии по случаю убийства австрийского престолонаследника сербскими националистами отметил следующее: «Хорошо было бы внушить нашей прессе провести параллель между сербами в Боснии и Герцеговине, которые имеют церкви, школы, и национальным бесправием болгар в Македонии. Планирую посетить графа Чернина в Синае с просьбой телеграфировать в бюро прессы в Вене и дать такие же инструкции для австрийской печати. Удобный момент для антисербской пропаганды в Европе»⁴⁸.

Болгарский премьер-министр В. Радославов, узнав 24 июля 1914 г. о содержании австро-венгерского ультиматума Сербии, назвал это «большим счастьем для Болгарии». Однако официально он выразил «сочувствие» таким тяжелым и несправедливым условиям, которые «никакое суверенное государство не сможет принять». Правительственная печать в Софии встретила вручение австрийского ультиматума Сербии с плохо скрываемым злорадством⁴⁹.

К концу июля 1914 г. стало очевидным перерастание австро-сербского конфликта в общеевропейскую войну, повлекшую за собой крушение системы международных отношений на Балканах, созданной Бухарестским миром. 29 июля В. Радославов отдал распоряжение посольствам объявить о полном и безоговорочном нейтралитете Болгарии в начавшейся войне⁵⁰. Болгарские правительственные круги расценивали начало Первой мировой войны как сигнал того, что наступило время для пересмотра Бухарестского договора. В своем стремлении вернуть македонские земли Болгария готова была ориентировать свою внешнюю политику на любую державу, которая помогла бы осушить ее территориальные притязания⁵¹.

В Сербии весть о болгарском нейтралитете приняли с большим облегчением, поскольку имели все основания опасаться нападения с востока. В. Радославов не сдержался и дал понять, что взамен своего нейтралитета Болгария надеется получить от Сербии территориальные компенсации. Из Ниша, куда переехало сербское правительство, Н. Пашич выразил благодарность Софии за занятую позицию и, в свою очередь, еще более неопределенно намекнул о возможных послевоенных компенсациях⁵². Отношение официального Петербурга к занятой болгарским руководством нейтральной

позиции было неоднозначным: здесь, несмотря на сложность болгаро-российских отношений, ожидали от Софии выступления на стороне России. Но и нейтралитет Болгарии, хоть и расценивался как проявление неуверенности (к какому из блоков примкнуть), впоследствии был принят молчаливым согласием имперского правительства⁵³.

С самого начала Первой мировой войны между враждующими коалициями великих держав развернулась дипломатическая борьба за привлечение на свою сторону потенциальных союзников. На них с обеих сторон посыпались обещания территориальных приращений, компенсаций и гарантий. Ни Румыния, ни Греция не желали брать на себя обязательство пересмотра Бухарестского договора и, в надежде получить шанс на удовлетворение своих территориальных амбиций, заняли позицию выжидательного нейтралитета. Равно как и заявление Болгарии о нейтралитете отнюдь не означало, что болгарское либеральное правительство отказалось от мысли о реванше. Уже 2 августа 1914 г. В. Радославов, заручившись поддержкой Фердинанда, направил Австро-Венгрии и Германии предложение союзного договора, взамен ожидая обещаний помощи в деле «возвращения» Вардарской Македонии⁵⁴.

Оппозиционные круги в Болгарии разделились на два лагеря: Болгарский земледельческий народный союз, поддерживаемый «широкими» социалистами и радикалами, выступал за соблюдение строгого и последовательного нейтралитета; другая часть оппозиции, представленная партиями народовцев, демократов и прогрессистов, верили, что именно Антанта поможет Болгарии в достижении ее внешнеполитических целей⁵⁵.

Глава болгарской миссии в Сербии С. Чапрашиков заявил, что «никто не сможет запретить Болгарии мечтать о всей Македонии»⁵⁶, а болгарский посланник в Греции Г. Пасаров на переговорах с представителями Антанты об условиях возможного союза, проходивших в середине августа 1914 г. в Афинах, следовал инструкциям своего шефа В. Радославова «требовать всю Македонию»⁵⁷. В этих высказываниях прослеживалась направленность внешней политики Софии, заключающаяся главным образом в обретении желанного результата в македонском вопросе.

В условиях начавшейся войны российская дипломатия была убеждена, что единственным средством привлечь Болгарию в качестве союзницы являлась передача ей Македонии в границах болгаро-сербского договора 1912 г. Но при попытке обсуждения этого вопроса с Н. Пашичем новый российский посланник в Белграде Г. Н. Трубецкой, сменивший в августе 1914 г. скоропостижно скончавшегося Н. Г. Гартвига, всякий раз наталкивался на резкое сопротивление сербского премьер-министра. 31 июля 1914 г. С. Д. Сазонов предложил правительству Сербии самому определить возможные территориальные уступки Болгарии взамен ее нейтралитета или возможного сотрудничества, а 5 августа глава российского МИДа составил план болгаро-сербского разбирательства. Так, в качестве цены болгарского участия в войне Сербии необходимо было уступить часть «бесспорной зоны» по договору 1912 г. Если же война завершится победой Антанты и существенными территориальными приращениями Сербии, Болгария получит всю «бесспорную зону». В случае, если Болгария откажется принять прямое участие в войне, Сербии предписывалось пожертвовать Щип, Радовиш и Кочаны в качестве «благодарности» за благожелательный болгарский нейтралитет⁵⁸. Поверенный в делах России в Сербии В. Н. Штрандтман сообщал, что Н. Пашич в принципе был не против провести сербо-болгарскую границу «по ближайшему к Вардару с восточной стороны водоразделу...»⁵⁹

Усиление дипломатического давления на Сербию держав Антанты и активизация российской дипломатии с требованиями территориальных уступок Болгарии в Македонии заставили сербских политиков пересмотреть собственные геополитические устремления. 29 августа заместитель Н. Пашича по министерству иностранных дел

И. Йованович «в связи с вопросом о компенсации Болгарии» заявил о необходимости разработки целостной югославянской программы⁶⁰.

Сербское правительство было заинтересовано в благожелательном нейтралитете Болгарии, а лучше – в ее выступлении против Австро-Венгрии, и понимало, что за это необходимо платить соответствующую цену. Однако Н. Пашич не собирался немедленно уступать натиску Петрограда. Он заявил, что «Сербия была бы расположена уступить часть своей территории после победоносной войны держав Тройственного Соглашения, когда они диктовали бы условия мира и дали бы возможность Сербии получить сербо-хорватские территории вместе с прилегающим побережьем»⁶¹. Это подтверждалось готовностью Белграда жертвовать районом по водоразделу на восток от реки Вардар, что составляло около 1/4 части «беспорной зоны» и позволило бы оставить за Сербией контроль над Вардарской долиной, которая являлась единственным стратегическим выходом к эгейскому порту Салоники. Среди сербской политической элиты существовало убеждение, что владение долинами Моравы и Вардара обеспечит господство Сербии на Балканах⁶². Такая позиция, по мнению Н. Пашича, наилучшим образом соответствовала государственным интересам Сербии, особенно в связи с планами разработки новой югославянской программы, и этому внешнеполитическому курсу сербское правительство следовало вплоть до осени 1915 г.

Между тем в стремлении привлечь Болгарию в свой лагерь С. Д. Сазонов старался создать впечатление в Софии, что Россия ратует за болгаро-сербское соглашение на базе сербских уступок в пользу Болгарии. Еще 3 августа, накануне встречи с Н. Пашичем, С. Д. Сазонов дал распоряжение российскому посланнику в Софии А. А. Савинскому обещать обеспечение неких территориальных приращений Болгарии, если она выступит с Россией⁶³. Но предложения, не имеющие под собой конкретных гарантий, едва ли могли быть серьезно восприняты болгарским правительством. А. А. Савинский небезосновательно полагал, что Болгарию можно привлечь на свою сторону, отдав ей Македонию по линии 1912 г. или до Вардара, а также часть Фракии⁶⁴.

В начале сентября 1914 г. С. Д. Сазонов подготовил проекты деклараций, которые посланники Антанты должны были вручить в балканских столицах. В нотах предусматривались сербские и греческие уступки в пользу Болгарии без определения их размеров. Разумеется, такие неопределенные посулы были обречены на провал. Уже 14 сентября 1914 г. глава российского МИДа предложил французскому и британскому посланникам в Петербурге М. Палеологу и Дж. Бьюкенену основные контуры будущего мира. Программа эта предполагала разгром Германской империи и ее союзников и содержала, кроме всего прочего, следующие пункты: п. 7. Передача Сербии Боснии, Герцеговины, Далмации и северной Албании; п. 8. Вознаграждение Болгарии за счет сербской Македонии и присоединение к Греции Южной Албании⁶⁵.

В эти напряженные месяцы внешняя политика Российской империи была практически всецело сосредоточена в руках С. Д. Сазонова, уверенного в поддержке Николая II⁶⁶.

С вступлением в войну Турции 30 октября на стороне Центрального блока политическая обстановка на Балканах усложнилась возможностью австро-германской дипломатии осуществлять более эффективный натиск в Болгарии, Греции и Румынии. Несмотря на это, у России, связывавшей судьбу черноморских проливов с болгаро-русскими отношениями, появилась надежда привлечь Болгарию обещаниями территориальных приращений в турецкой Восточной Фракии. Однако интересы болгарского правительства на данном этапе состояли в другом: в Софии настойчиво требовали всю Македонию, но осуществить стремления болгар в таких размерах российской дипломатии было не под силу.

В конце ноября 1914 г. посол России в Англии А. К. Бенкендорф предложил британскому министру иностранных дел Э. Грью в качестве возможной компенсации

Сербии и Греции – взамен их уступок Болгарии в Македонии – поделить между двумя государствами Албанию. Эта же идея была озвучена и в Париже. Однако в обеих столицах перспектива Сербии, а посредством нее и России, контроля выхода к Адриатике была признана неприемлемой⁶⁷.

9 декабря державы Антанты вручили Болгарии декларацию, в которой взамен болгарского нейтралитета предлагались «справедливые территориальные приобретения в Македонии и расширение территории в Фракии до линии Энос – Мидия». В ответ на это болгарское руководство заявило, что предпочитает следовать намеченному ранее пути⁶⁸ – лишь занятие Болгарией «бесспорной зоны» могло гарантировать ее выступление на стороне Антанты. Ниш на это не соглашался, а в Петрограде не были намерены осуществлять акции, направленные на ослабление российского авторитета и влияния в Сербии. Россия была готова предпринять действенный натиск на правительство Н. Пашича лишь в случае обретения возможности дополнительных стратегических преимуществ в Сербии, что находило ярое сопротивление Англии и Франции⁶⁹.

Необходимо отметить, что болгарские правительственные круги хотели видеть в качестве посредников скорее Англию или Францию, нежели Россию. Недавние действия российской дипломатии, направленные на недопущение перехода болгарской границы за линию Энос – Мидия и колебания при разрешении болгаро-сербского спора из-за Македонии после Балканских войн, подогревали русофобские настроения болгарского руководства. Кроме того, в Софии опасались возможного присутствия российских войск в Константинополе, поскольку были убеждены, что это привело бы к потере Болгарией значительной части своего государственного суверенитета. Об этом позднее писал Г. Н. Трубецкой: «...Болгары понимали, что если Россия упрочится в Константинополе, то конец их гегемонии на Балканах. Они уже не в состоянии будут посягать на своих соседей»⁷⁰. С трибуны Народного собрания В. Радославов заявил, что «не пошевелит пальцем», пока существует малейшая вероятность присутствия на южных рубежах Болгарии такого могущественного соседа, как Российская империя⁷¹.

Сербия продолжала сопротивляться натиску союзной дипломатии по вопросу о предоставлении территориальных уступок Болгарии. Положение осложнялось временным ухудшением обстановки на фронтах в связи с наступлением австро-венгерских войск, когда сербы вынуждены были оставить Валево, Обреновац, Белград. Однако вскоре последовало успешное контрнаступление сербской армии, завершившееся 15 декабря освобождением Белграда. Накануне, 7 декабря 1914 г., Народная скупщина приняла в Нише декларацию, в которой впервые озвучивалась цель «освобождения и объединения всех наших неосвобожденных братьев сербов, хорватов и словенцев»⁷². Нишская декларация стала основой югославянской объединительной политики Сербии, была напрямую связана с македонским вопросом и носила геополитический характер: чем больших уступок требовала Россия и ее союзники в пользу Болгарии в Македонии, тем далее в сторону Адриатического побережья распространялись претензии Белграда. Н. Пашич в надежде, что при определении судьбы югославянских территорий Австро-Венгрии союзники учтут интересы Сербии, готов был пойти навстречу их требованиям удовлетворения болгарских притязаний в Македонии⁷³.

Российской дипломатии было известно, что Болгария не может быть удовлетворена лишь частью Македонии, поскольку ее территориальные претензии были направлены ко всем балканским государствам. В Петрограде не желали, чтобы одна только союзная России Сербия платила за болгарское участие. С. Д. Сазонов выдвинул идею предложить Сербии Боснию и Герцеговину, часть Адриатического побережья и Северную Албанию взамен передачи Болгарии «бесспорной зоны» в Македонии. Однако сербское руководство, приобретшее уверенность после недавних военных успехов,

224

ответило на это категорическим отказом. Престолонаследник и главнокомандующий сербской армией Александр заявил, что Сербия «скорее предпочла бы не получить Боснию, чем отдать Македонию Болгарии»⁷⁴.

Тем временем продолжались переговоры Антанты с Италией о вступлении последней в войну. Кроме прежних претензий в Австро-Венгрии, Италия потребовала образования из центральной Албании автономного княжества, раздела Северной Албании между Сербией и Черногорией, передачу Южной Албании Греции, а Валоны с округой – самой Италии. Англия и Франция готовы были все это обещать, однако Россия из внимания к Сербии протестовала против предоставления Италии территорий, населенных южными славянами⁷⁵. Окончательное соглашение союзников с Италией об условиях ее вступления в войну на стороне Антанты было закреплено в четырехстороннем тайном договоре, подписанном 26 апреля 1915 г. в Лондоне. Договор предусматривал присоединение к Италии, кроме итальянских провинций Австро-Венгрии, Истрии и Далмации. Сербии предоставлялась возможность аннексии северных областей Албании и был обещан узкий выход к морю, а также Босния и Герцеговина. Хорватию предполагалось объявить независимой как от Австро-Венгрии, так и от Сербии.

В новой ситуации Антанта потребовала от Ниша немедленной передачи Македонии Болгарии, а взамен этого, соглашаясь на большинство требований Италии, в отношении Сербии союзники ограничивались туманными обещаниями «обширных территорий и выхода на Адриатическое море». Сербское правительство надеялось на российское заступничество, но Петроград не в состоянии был оказать решительное противодействие союзникам в адриатическом вопросе. В связи с этими изменениями Н. Пашич заявил, что «многие в Сербии предпочитают сохранить старое, чем приобрести новое»⁷⁶.

Сербское проникновение в Албанию стало причиной появления у болгарского правительства плана присоединения албанского княжества к Болгарии посредством персональной унии. В Германии надеялись, что благодаря этому «царь Фердинанд прекратит колебаться относительно выступления против Сербии и оккупации Македонии», – телеграфировал из Софии германский полномочный министр Георг фон Михаэлес 17 июня 1915 г. Что касается еще одного союзника – Дуалистической монархии, то, по мнению Михаэлеса, «У Австро-Венгрии, в связи с идеей персональной унии ... не должно возникнуть никаких принципиальных возражений. Такая комбинация хорошо подошла бы в рамки нашей дружественной к Болгарии и враждебной к Сербии балканской политики»⁷⁷.

3 августа 1915 г. теперь уже четыре страны Антанты в очередной раз обратились к Сербии с требованием уступить Македонию. А после решительного отказа Н. Пашича 16 августа союзники пообещали Сербии часть побережья Адриатического моря, присоединить Боснию и Герцеговину, Сирмию до линии Дравы и Дуная с Земуном и Бачкой. Одинаково не доверяя ни Болгарии, ни антантовской коалиции, сербское руководство под нарастающим давлением – королю Петру были направлены личные обращения российского императора, английского и итальянского королей, президента Франции – должно было, все же, уступить⁷⁸. Однако, соглашаясь на передачу Болгарии македонских земель в границах договора 1912 г., в Нише выдвигали встречные контртребования: Хорватию с Риекой (Фиуме) и западной частью Баната необходимо объединить с Сербией; словенские земли должны получить право на самоопределение; Прилеп будет оставлен Сербии; общая граница с Грецией должна начинаться с высоты Пелистера и Суха-планины, продолжаясь к западу до пункта, который будет определен впоследствии. Уступка Македонии предполагалась, «как только Сербия вступит во владение обещанными ей территориями, равно как и теми, которые упомянуты выше», а также после урегулирования всех вопросов относительно прав сербского населения, проживающего в Македонии⁷⁹. Эти дополнительные условия Сербии лишь осложняли и затягивали переговоры.

Период с июля по август 1915 г., получивший в историографии название «болгарское лето», стал поворотным для Болгарии. Правящие круги Софии вели переговоры параллельно с обеими коалициями великих держав. 3 августа союзники по Антанте вручили болгарскому премьеру В. Радославу ответную ноту, в которой они требовали от Болгарии выступить на их стороне, помочь в разгроме Турции, обеспечить Сербии приобретение австро-венгерских областей, а Греции – обширные приращения к Малой Азии. Взамен Болгарии не предлагалось ничего реального, кроме неопределенных обещаний⁸⁰. Подобная стратегия не в силах была изменить что-либо в поведении болгарского правительства, ждавшего гарантированных обязательств. Тогда как Россия и ее союзники не могли уговорить Сербию уступить Софии Вардарскую Македонию – основу военно-политических целей Болгарии в войне, Берлин предпринял быстрые и решительные действия. Германская коалиция, в отличие от Антанты, пообещала болгарскому правительству Вардарскую Македонию без дополнительных условий и немедленно, заставив свою союзницу Турцию пойти на территориальные уступки Болгарии. Естественно, что в подобной ситуации царь Фердинанд и болгарские правящие круги окончательно повернули в сторону австро-германского блока, в лице которого они видели опору для политики мщения своим соседям и создания Великой Болгарии⁸¹. В. Радославов в телеграмме кайзеру Вильгельму II напоминал, что «обиженная державами Болгария ожидает от германской мощи ... содействия в возвращении отнятой у Болгарии территории»⁸². Хотя 1 сентября 1915 г. Антанта заявила Софии о гарантированной передаче ей Македонии в границах 1912 г., это уже не имело никакого значения.

Длительные уговоры Сербии в необходимости уступок Болгарии, бесконечные споры между союзниками внутри антантовской коалиции о размере компенсаций, нежелание сербского руководства пойти навстречу болгарским территориальным притязаниям в Македонии привели к тому, что все усилия российской дипломатии найти компромиссное решение в болгаро-сербском споре потерпели фиаско. 6 сентября был заключен союзный договор и тайное соглашение между Болгарией и Германией, а также трехсторонняя военная конвенция при участии Австро-Венгрии⁸³. В целях окончательного оформления Четверного союза в тот же день было подписано и болгаро-турецкое соглашение⁸⁴. А 22 сентября в Болгарии была объявлена всеобщая мобилизация, названная правительством «фазой вооруженного нейтралитета»⁸⁵.

В этой ситуации Сербия настаивала на немедленном нанесении превентивного удара по Болгарии, поскольку в Нише были убеждены в антисербской направленности болгарских военных приготовлений. Однако С. Д. Сазонов занял категорическую позицию против такого «бесчеловечного и братоубийственного плана»⁸⁶. Российский министр иностранных дел до последнего момента не верил в возможность болгарского выступления против Сербии, а следовательно, и России. 2 октября он предпринял попытку «вразумить» болгарское руководство, направив А. А. Савинскому текст ультиматума Болгарии с требованиями в 24-часовой срок порвать «с врагами славянства и России», удалить германских и австрийских офицеров из Военного министерства и штабов армии, прекратить «всякое враждебное действие против Сербии»⁸⁷. Болгарское правительство, получившее ультиматум 4 октября, резко отрицало все предъявленные в нем обвинения, перенаправив вину за возможный разрыв отношений на саму Россию⁸⁸.

Ранее, 17 сентября, царь Фердинанд принял лидеров оппозиционных партий, пытавшихся убедить его сохранить нейтралитет, настаивая на том, что ориентация Болгарии на Германию и Австро-Венгрию противоречит ее национальным интересам, однако это попытка оказалась безуспешной⁸⁹. Правительство апеллировало к националистическим чувствам болгар, уверяя общественность в необходимости вступления в войну на стороне Центральных держав, поскольку Антанта находится под влиянием Н. Пашича

и обманет Болгарию, как в 1913 г. ее обманула Сербия – «коварная соседка» и главная виновница всех бед болгарского государства.

Дальнейшие события развивались с неумолимой быстротой. 5 октября дипломатические отношения держав Антанты с Болгарией были разорваны, 14 октября София выступила на стороне Центральных держав и объявила войну Сербии, а 20 октября, вслед за союзниками по Антанте, Николай II подписал манифест, объявляющий войну Болгарскому царству. В первые две недели боевых действий болгарская армия заняла Неготин, Пирот, Зайчар, а в Македонии достигла Велеса. Сербы были разбиты менее чем за два месяца, и почти весь Балканский полуостров оказался во власти Центральных держав. 28 ноября Главное командование армии провозгласило, что цель, ради которой Болгария вступила в войну – освобождение Македонии, – достигнута. Но для болгарского народа это было лишь начало долгого трехлетнего пути ко второй «национальной катастрофе», новым потерям территорий и сокрушительному поражению в Первой мировой войне.

Среди множества причин, предопределивших фиаско российской дипломатии в вопросе посредничества в болгаро-сербском конфликте, на первый план выходят просчеты имперского правительства, взявшего на себя роль защитника и арбитра всех славянских государств, его ошибочная стратегия и ставка на пресловутое и несуществующее «славянское единство». Иллюстрацией этому может послужить решение С. Д. Сазонова воспрепятствовать нападению Сербии на Болгарию, ведущую с лета 1915 г. военные приготовления, и последующее его искреннее удивление, когда «Болгария не испугалась угрозы войны с Россией и сама напала на Сербию»⁹⁰. Не забывая о собственных преимуществах, которые Россия могла бы получить в случае вступления Болгарии в войну на стороне Антанты, российское правительство добивалось от Сербии уступок в Македонии с целью улучшения своих отношений с Софией. Несмотря даже на то, что натиск на Сербию с подобными требованиями неминуемо провоцировал недовольство сербских правительственных кругов и, как следствие, – охлаждение отношений с Россией. Однако российской дипломатии было не под силу удовлетворить одновременно болгарские и сербские претензии: в то время как Петроград настаивал на немедленной передаче Вардарской Македонии Софии, в Нише претендовали уже на австро-венгерские территории – Боснию, Хорватию, Далмацию, соглашаясь на геополитический обмен только после победоносной войны держав Антанты.

Другими причинами провала попыток союзной антантовской дипломатии привлечь на свою сторону Болгарию являлись неуступчивость Сербии и Греции в вопросе территориальных компенсаций Болгарии в Македонии, стремление Италии добиться максимального удовлетворения своих геополитических претензий в Австро-Венгрии и Албании. Накладываясь на противодействие сербского правительства, активно добивавшегося собственных территориальных целей в этом регионе, это вело к еще более бескомпромиссному отстаиванию Белградом Вардарской Македонии. Немаловажную роль в принятии Болгарией решения о вступлении в войну на стороне Центральных держав сыграли военные успехи Берлина и Вены в 1915 г. Их победы на Восточном фронте и успешная оборона на Западном и Итальянском фронтах укрепили убеждение болгарской правящей верхушки в непобедимости Центральных держав. Неопределенная судьба македонских земель, занимавших стратегическое положение в центре Балканского полуострова, проблема болгарского населения, находившегося под контролем сербских властей, стремление балканских государств к максимальному расширению собственной территории, вмешательство противоборствующих группировок великих держав и использование ими македонского вопроса в качестве инструмента для осуществления своих дипломатических целей на Балканах – все это долгое время препятствовало разрешению македонского вопроса и усложняло межгосударственные отношения в регионе, поощряя Болгарию

и Сербию добиваться территориальных претензий в Македонии, являясь весомым барьером на пути к восстановлению дружеских отношений между двумя государствами.

¹ Струкова, К. Л. Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX в. М., 2004, с. 201.

² Исаева, О. Н. Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии. – В: Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999, с. 77.

³ Шемякин, А. Л. К вопросу о роли внешнего фактора в образовании Королевства сербов, хорватов и словенцев. – В: Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996, с. 14.

⁴ Централен държавен архив на Република България (ЦДА), ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 180.

⁵ ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 196.

⁶ Лабаури, Д. О. Идеологията на македонизма през 1886–1903 г. – Македонски преглед, 2005, № 3, с. 26.

⁷ Георгиев, Г. Македоно-одринското движение в Кюстендилски окръг (1895–1903). С., 2008, 213–214.

⁸ Косик, В. И. Проблема Македонии и балканские государства в кон. XIX – нач. XX в. – В: Македонско-руските връзки во XIX – нач. на XX вв. Скопје, 1996, с. 86.

⁹ Геошов, И. Е. Балканският съюз. Спомени и документи. С., 1915, с. 29.

¹⁰ Там же, с. 30.

¹¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 (далее – МОЭИ). М.–Л., 1935, сер. 2, т. 19, ч. 1, № 3, с. 3.

¹² ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 181.

¹³ Геошов, И. Е. Указ. соч., с. 72.

¹⁴ ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1393, л. 182–183.

¹⁵ Геошов, И. Е. Указ. соч., с. 73.

¹⁶ МОЭИ, сер. 2, т. 20, ч. 1, № 100, с. 88.

¹⁷ Лондонската конференция през 1912–1913 г. – Родина, 1939, № 4, с. 20.

¹⁸ Сазонов, С. Д. Воспоминания. М., 1991, с. 84.

¹⁹ Гиза, А. Балканските държави и Македонският въпрос. С., 2001, с. 80.

²⁰ Шатилова, Л. В. Македонский вопрос в период балканских войн 1912–1913 гг. и политика России. – В: Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992, с. 194.

²¹ Сазонов, С. Д. Указ. соч., с. 101.

²² Ключников, Ю. В., А. В. Собанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М., 1925, с. 372; Христов, А., Ж. Донеv. Македонија во меѓународните договори 1875–1919. Скопје, 1994, 186–191.

²³ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915. (Отв. ред. Л. Панайотов). С., 1981, 114–115.

²⁴ Шкундин, Г. Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). С., 2007, 12–13.

²⁵ Илчев, И. България и Антантата през Първата световна война. С., 1990, с. 45.

²⁶ ЦДА, ф. 176, оп. 2, а. е. 1407, микрофилм.

²⁷ Там же, а. е. 1393, л. 182–183.

²⁸ Там же, оп. 3, а. е. 104, л. 8.

²⁹ Там же.

³⁰ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915..., с. 112.

³¹ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8.

³² Балканская война 1912–1913 гг. М., 1914, с. 4.

³³ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915..., с. 9.

³⁴ Влахов, Т. Отношения между България и Централните сили по време на войните 1912–1918 г. С., 1957, с. 61.

³⁵ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8.

³⁶ Поповић, Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977, с. 29.

³⁷ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8–8а.

³⁸ Там же, л. 8а.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Ключников, Ю. В., А. В. Собанин. Указ. соч., с. 372.

⁴¹ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 104, л. 8а.

⁴² К. Н. Гулькевич – советник II (Ближневосточного) политического отдела МИДа.

- ⁴³ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 53, л. 17.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 43.
- ⁴⁶ Национално-освободителна борба в Македония 1912–1915., 5–6; *Бирман, М. А.* Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг. и мотивы России. – В: Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992, с. 186
- ⁴⁷ *Шкундин, Г. Д.* Указ. соч., с. 13.
- ⁴⁸ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 123, л. 45.
- ⁴⁹ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 63.
- ⁵⁰ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 18, л. 21.
- ⁵¹ *Нотович, Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1. Потеря союзника-ми Балканского полуострова. М., 1947, с. 9.
- ⁵² Дипломатически документи по намесата на България в Европейската война. В 2 т. Т. 1. С., 1920–1921, с. 292 (далее – ДД).
- ⁵³ *Астарджиева, Т.* Русия и българският неутралитет (1914–1915). – В: Дриновский збірник. Т. 2. Харків–София, 2008, 235–236.
- ⁵⁴ *Лалков, М.* Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917): Австро-унгарската дипломатия в борба за съюзници през Първата световна война. С., 1983, с. 100.
- ⁵⁵ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 22, л. 37–38.
- ⁵⁶ Цит. по: *Илчев, И.* Указ. соч., с. 72.
- ⁵⁷ ДД, т. 1, с. 326.
- ⁵⁸ МОЭИ, сер. 3, т. 6, ч. 1, № 2, с. 18.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 87.
- ⁶¹ *Митровић, А.* Србија у првом светском рату. Београд, 1984, с. 142.
- ⁶² *Екмечић, М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973, с. 219.
- ⁶³ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 74.
- ⁶⁴ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 90.
- ⁶⁵ *Хвостов, В. М.* История дипломатии. В 2 т. М., 1945, с. 269.
- ⁶⁶ *Сазонов, С. Д.* Указ. соч., с. 305.
- ⁶⁷ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 102.
- ⁶⁸ ЦДА, ф. 176, оп. 3, а. е. 18, л. 30–33.
- ⁶⁹ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 102.
- ⁷⁰ *Трубецкой, Г. И.* Русская дипломатия в 1914–1917 гг. Война на Балканах. Монреаль, 1983, с. 237.
- ⁷¹ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 158.
- ⁷² *Писарев, Ю. А.* Создание Югославского государства в 1918 г.: уроки истории. – Новая и новейшая история, 1992, № 1, 27–46.
- ⁷³ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 87.
- ⁷⁴ *Илчев, И.* Указ. соч., с. 127.
- ⁷⁵ *Хвостов, В. М.* Указ. соч., с. 281.
- ⁷⁶ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 87.
- ⁷⁷ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи (1913–1918). Сб. док. В 2 т. Т. 1 (1913–1915). С., 2002, с. 348.
- ⁷⁸ *Косик, В. И.* Указ. соч., с. 88.
- ⁷⁹ *Трубецкой, Г. И.* Указ. соч., 145–150.
- ⁸⁰ *Нотович, Ф. И.* Указ. соч., 621–622.
- ⁸¹ *Лалков, М.* Между възторга и покрусата. България по време на войните 1912–1918. С., 1993, 187–188.
- ⁸² Цит. по: *Косик, В. И.* Гордиев узел Балкан., с. 67.
- ⁸³ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи., 441–446.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ ДД, т. 1, с. 614.
- ⁸⁶ *Палеолог, М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991, с. 217.
- ⁸⁷ Там же, с. 140.
- ⁸⁸ Там же, 141–142.
- ⁸⁹ История на България. Т. 8. България 1903–1918. Културно развитие 1878–1918. (Под ред. Г. Маркова, Р. Попова, Цв. Тодоровой.) С., 1999, с. 246.
- ⁹⁰ *Михайловский, Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993, с. 130.